

Нет автора

**Окончательное заключение
Комитета для рассмотрения
проекта Военского устава о
наказаниях, по вопросу об
отмене телесных наказаний**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н57

Н57 **Нет автора**
Окончательное заключение Комитета для рассмотрения проекта Воинского устава о наказаниях, по вопросу об отмене телесных наказаний / Нет автора – М.: Книга по Требованию, 2021. – 46 с.

ISBN 978-5-458-10049-6

ISBN 978-5-458-10049-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Само Высочайше утвержденное 5-го Августа 1861 года особое временное Положеніе о Полицейскихъ Судахъ въ западныхъ губерніяхъ, устанавливая, за проступки противъ порядка и общественнаго спокойствія, содержаніе подъ арестомъ и денежныя взысканія, о наказаніяхъ тѣлесныхъ даже и не упоминаетъ.

По симъ уваженіямъ, отзывъ о несвоевременности предложенныхъ мѣръ не представилъ Комитету основанія отлагать обсужденіе оныхъ.

Второе мнѣніе, совпадая съ заключеніемъ Комитета единственно въ признаніи непомѣрной жестокости нынѣшнихъ тѣлесныхъ наказаній, считаетъ отмѣну сихъ наказаній, даже и однихъ придаточныхъ, неудобною и полагаетъ только уменьшить число ударовъ, а въ немногихъ случаяхъ—замѣнить плети розгами. Въ основаніе сего приводится: 1) что тѣлесныя наказанія у насъ, пока, еще необходимы для устрашенія другихъ и для предотвращенія преступленій, 2) что доколѣ существуетъ различіе въ присвоенныхъ разнымъ сословіямъ правахъ, справедливость требуетъ усиливать другими мѣрами наказаніе для людей, теряющихъ менѣ правъ, и накопецъ 3) что предложенныя Комитетомъ мѣры были бы несогласны съ историческимъ развитіемъ Русскаго законодательства.

Въ отношеніи къ *первому* доводу, Комитетъ не можетъ согласиться съ мыслию, чтобы устрашеніе зрителей истязательнымъ наказаніемъ преступниковъ могло быть въ* какомъ либо отношеніи полезнымъ. Не говоря уже о томъ, что нынѣ всѣми законодательствами оставляется господствовавшая,

въ прежнія времена, теорія устрашенія, довольно замѣтитъ, что нарушеніе соразмѣрности между преступленіемъ и наказаніемъ не можетъ быть оправдано *никакою* цѣлью, потому что оно въ самомъ основаніи своемъ несправедливо. Но и самая цѣль такими средствами не можетъ достигаться. Если бы преступники, при совершеніи своихъ преступленій, не сомнѣвались въ томъ, что будутъ наказаны, или хотя только въ томъ, что будутъ открыты, лишены свободы и плодовъ своего преступленія, то, конечно, въ большей части случаевъ, преступные замыслы не были бы приводимы въ исполненіе. Между тѣмъ, почти каждый, совершающій преступленіе, не только рассчитываетъ, что оно останется необнаруженнымъ, но даже, какъ справедливо замѣчено въ одномъ изъ доставленныхъ мнѣній, надѣется, что и въ случаѣ открытія его преступленія, онъ избавится отъ заслуженнаго наказанія изворотливостію въ судѣ, трудностію пріисканія доказательствъ, требуемыхъ закономъ для осужденія, побѣгомъ и проч. Гораздо болѣе вѣрное, нежели строгость наказанія, средство къ предотвращенію преступленій заключается въ неизбѣжности обличенія преступника, чему, какъ должно надѣяться, будутъ содѣйствовать предпринимаемыя правительствомъ реформы въ порядкѣ производства слѣдствія и уголовного суда. Жестокость публичныхъ наказаній сама по себѣ не можетъ имѣть полезныхъ, въ видахъ примѣра для другихъ, послѣдствій уже и потому, что наказанія сего рода осуждаются общественнымъ мнѣніемъ и, по единогласнымъ отзывамъ всѣхъ главныхъ мѣстныхъ начальниковъ, обыкновенно побуждаютъ присутствующихъ подкупать палача, въ желаніи доставить наказываемо-

му какое либо облегченіе. Наконецъ, и самыя даже исполнительныя власти стараются устранить стеченіе народа при публичныхъ наказаніяхъ, назначая ихъ, съ этою цѣлью, въ самыя ранніе часы утра, а публикаціи о томъ, болѣею частью, помѣщаются въ газетахъ, выходящихъ нѣсколькими часами послѣ того какъ все окончено. Не ясно ли изъ сего, что и упомянутыя власти считаютъ производимое тѣлесною казнью впечатлѣніе болѣе вреднымъ, нежели полезнымъ?

При соображеніи *второго* довода, о различіи правъ, утрачиваемыхъ по различію сословій, нельзя, конечно, не согласиться, что люди болѣе образованные, при осужденіи ихъ въ ссылку, теряютъ болѣе, нежели простолюдины. Но не слѣдуетъ ли признать сего и вполне справедливымъ? Еще Петромъ Великимъ, въ толкованіи къ статьѣ 101-й Воинскихъ Артикуловъ выражено было: «коль болѣе чина и состоянія преступитель есть, толь жесточае оный и накажется; ибо оный долженствуетъ другимъ добрый прикладъ подавать и собою оказывать, что оныя чинить имѣютъ». Это правило, примѣнявшееся не только по военному, но и по гражданскому вѣдомству, вошло въ Сводъ Законовъ Уголовныхъ и оттуда принято въ дѣйствующемъ Уложеніи о Наказаніяхъ, въ статьѣ 141-ой котораго опредѣлено, между прочимъ, что вина учинившаго преступленіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и мѣра слѣдующаго ему наказанія увеличиваются по мѣрѣ того, чѣмъ выше были его состояніе, званіе и степень образованности. Начало это, основанное на совершенно здоровомъ и неоспоримомъ разсужденіи, въ нѣкоторыхъ случаяхъ прилагается нашими законами даже въ слишкомъ широкихъ размѣрахъ. Напримѣръ, за кражу, простолю-

дичь подвергается очень часто одному лишь заключенію въ рабочемъ домѣ, иногда не болѣе какъ *на три мѣсяца*, или замѣняющему оное наказанію розгами, нерѣдко не болѣе 40 ударовъ, и потомъ возвращается въ первобытное состояніе, а виновное въ такомъ же преступленіи лицо дворянскаго происхожденія лишается *навсегда* какъ дворянства и соединенныхъ съ нимъ преимуществъ, такъ и всѣхъ, прибрѣтенныхъ личными заслугами почестей, а сверхъ того отрывается, также *навсегда*, отъ роднаго мѣста, отъ своего семейства, отъ имѣнія, и переселяется въ отдаленную губернію, гдѣ и низводится въ положеніе того простолюдина, который, послѣ непродолжительнаго заключенія, возвращается къ своему пепелишу и обычнымъ занятіямъ. Столь разительное различіе въ строгости наказаній лицъ высшихъ и нисшихъ сословій, установленное и въ другихъ нашихъ исправительныхъ наказаніяхъ, никто, однако, не считаетъ несправедливымъ, потому что оно оправдывается различіемъ въ степени сознанія своей вины между человѣкомъ образованнымъ и тѣмъ, который не получилъ никакого образованія. Какое же могло бы быть основаніе изъять отъ дѣйствія того же начала одни преступления тяжкія, напримѣръ разбой, зажигательство, смертоубійство и т. п., и почему, въ этихъ именно случаяхъ, оставляя безъ вниманія, что лицо, поставленное на высшей степени общества, несравненно виновнѣе грубаго въ своихъ понятіяхъ и чувствахъ простолюдина, слѣдственно *должно* терять болѣе его, законъ какъ бы вымѣщаетъ, на лицахъ нисшихъ сословій, неодинаковость потерь тѣлесными истязаніями? Не довольно ли уже и того, что ссылка простолюдиновъ совершается въ оковахъ и что

тѣ изъ нихъ, которые обращены на поселеніе, подвергаются, прежде водворенія ихъ, работамъ на заводахъ до четырехъ лѣтъ (Уст. Ссыл. ст. 261 и 607 по Прод. III, № 3).

Наконецъ, *третій* доводъ, о несоотвѣтственности предложенныхъ мѣръ той постепенности, которая соблюдалась нашимъ законодательствомъ въ смягченіи жестокихъ наказаній, также не могъ убѣдить Комитета. Исторія уголовныхъ нашихъ законовъ показываетъ слѣдующее:

По Уложенію Царя Алексѣя Михайловича (1649 г.), за важнѣйшія преступленія полагались: сожженіе заживо, залитіе горла расплавленнымъ свинцомъ, висѣлица, окопаніе живаго землею, рѣзаніе языка и отсѣченіе рукъ и ногъ.

По Военскому Уставу 1716 г. и Морскому Уставу 1720 г., опредѣленные Петромъ I-мъ высшія уголовныя наказанія были: сожиганіе заживо, прозженіе языка и отсѣченіе головы, аркебузированіе или разстрѣляніе, висѣлица, четвертованіе съ предварительнымъ рваніемъ тѣла клещами, или безъ онаго, отсѣченіе головы и вѣшаніе за ребро.

До половины восемнадцатаго столѣтія, эти страшныя и безчеловѣчныя казни, соотвѣтствовавшія впрочемъ и существовавшимъ тогда на Западѣ, хотя не были прямо отмѣняемы закономъ, но употреблялись все рѣже и рѣже и преимущественно въ меньшей степени жестокости. Въ 1742-мъ году, Императрицею Елисаветою несовершеннолѣтніе освобождены отъ пытки и отъ смертной казни, а въ 1754-мъ лишеніе жизни замѣнено, для всѣхъ вообще преступниковъ, гражданскою смертію, т. е. вырываніемъ поздрей, наказаніемъ кнутомъ и ссылкой въ Сибирь.

Въ 1767-мъ году, Императрица Екатерина II, въ Наказѣ своемъ, предназначала совершенно инныя указанія карательному правосудію:

«Намѣреніе установленныхъ наказаній — сказано въ этомъ актѣ — не то, чтобы мучить тварь, чувствами одаренную; они на тотъ конецъ предписаны, чтобы воспрепятствовать виновному, дабы онъ впередъ не могъ вредить обществу, и чтобы отвратить согражданъ отъ содѣянія подобныхъ преступленій. Страны, въ которыхъ казни были самыя лютейшія, суть тѣ, въ которыхъ совершались беззаконія самыя безчеловѣчныя. Чтобъ наказаніе произвело желаемое дѣйствіе, довольно будетъ и того, когда зло, онымъ причиняемое, превосходитъ добро, ожидаемое отъ преступленія, прилагая въ выкладкѣ, показывающей превосходство зла надъ добромъ, также извѣстность наказанія несомнѣнную и потерянiе выгодъ, преступленіемъ приобретаемыхъ. Всякая строгость, превосходящая сіи предѣлы, бесполезна и слѣдовательно мучительская. Если гдѣ законы были суровы, то они или перемѣнены, или ненаказанность злодѣйствъ родилась отъ самой суровости законовъ. Великость наказаній должна относима быть къ настоящему состоянію и обстоятельствамъ, въ которыхъ какой народъ находится. Но мѣрѣ какъ умы живущихъ въ обществѣ просвѣщаются, умножается и чувствительность каждаго гражданина особливо, а когда въ гражданахъ возрастаетъ чувствительность, то надобно, чтобы строгость наказаній уменьшалась (п. 205—208).»

Слѣдуя симъ благостнымъ предназначеніямъ, Императрица, въ 1787-мъ году, освободила вовсе отъ тѣлесныхъ наказаній дворянъ, купцовъ первыхъ двухъ гильдій и именитыхъ гражданъ.

Въ тѣхъ же видахъ, Императоромъ Александромъ I-мъ, въ 1801-мъ году, отмѣнена пытка; въ 1802-мъ и 1808-мъ годахъ, воспрещено, по военному и гражданскому вѣдомствамъ, употреблять въ судебныхъ приговорахъ слова о *нещадномъ* и *жестокомъ* наказаніи преступниковъ; наконецъ въ 1817-мъ году отмѣнено рваніе поздрей.

Съ изданіемъ въ 1845-мъ году Уложенія о Наказаніяхъ Уголовныхъ и Исправительныхъ, кнутъ замѣненъ плетми, а сіи послѣднія оставлены только въ видѣ наказанія уголовнаго и притомъ не самостоятельнаго, а придаточнаго. Сверхъ того въ царствованія Императоровъ Александра I-го и Николая I-го весьма значительно пріумножено число изыятій отъ тѣлесныхъ наказаній.

Если всѣ означенныя выше казни и истязанія съ теченіемъ времени или вовсе исчезали безъ замѣна другими, или смѣнялись менѣе жестокими, единственно какъ плодъ успѣховъ образованности и бѣльшаго развитія уваженія къ человѣчеству, но безъ всякой видимой внѣшней къ тому причины въ бытѣ нашихъ нисшихъ сословій, то въ настоящее время, съ дарованіемъ всѣмъ имъ общихъ гражданскихъ правъ, и личныхъ и имущественныхъ, отмѣну истязательнаго и бесполезнаго наказанія плетми и стремленіе правительства къ постепенной замѣнѣ розогъ другими болѣе сообразными цѣли взысканіями, никакъ, по мнѣнію Комитета, нельзя признать отступленіемъ отъ правильной постепенности въ смягченіи излишней жестокости наказаній. И въ прежнія времена, какъ нынѣ, всегда выражаемы были у насъ опасенія, что отмѣна уголовныхъ казней необходимо повлечетъ за собою ослабленіе власти и размноженіе злодѣяній. Но опытъ научаетъ

совершенно противоположному: лучшимъ подтвержденіемъ словъ Екатерины II-й, лучшимъ доказательствомъ бесполезности мучительныхъ каръ, служатъ приведенныя въ первомъ журналѣ Комитета цифры, убѣждающія, какъ, вслѣдствіе смягченія жестокости уголовныхъ наказаній, смягчаются и самые нравы, а вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшается и число преступленій.

Въ заключеніе, Комитетъ обязывается замѣтить, что мысль объ одномъ только уменьшеніи числа ударовъ онъ не рѣшается принять и потому, что не находитъ въ ней, съ своей стороны, довольно убѣдительнаго рациональнаго основанія. Почему наказаніе плетью до ста ударовъ жестоко, а до пятидесяти—нѣтъ, тогда какъ, при нѣкоторыхъ условіяхъ, пятьдесятъ ударовъ могутъ причинить смерть, а при другихъ, и сто не имѣютъ такого послѣдствія? Далѣе, по какому уваженію уменьшеніе числа ударовъ до половины должно бы считаться справедливѣе уменьшенія ихъ до четвертой части, и не могли ли бы совершенно тѣ же соображенія быть поводомъ и къ бѣльшему еще уменьшенію? Наконецъ, наказаніе тѣлесное полагается уничтожить не только какъ истязательное, но и какъ позорное и развращающее; а съ этой точки зрѣнія все равно—сколько бы ни было дано ударовъ.

Вслѣдствіе всего вышеизложеннаго Комитетъ обратился къ *третьему* изъ числа имѣющихся въ виду мнѣній, и именно къ тому, въ которомъ *двѣнадцать Министровъ и Главноуправляющихъ* сочли не только возможнымъ, но и желательнымъ нынѣ же осуществить мѣры, предложенныя въ прежнемъ журналѣ Комитета, съ нѣкоторыми только въ отдѣльныхъ статьяхъ измѣненіями или дополненіями.

Въ отношеніи сихъ послѣднихъ, вопросъ, какъ

по сущности упомянутыхъ мѣнѣй, такъ и по возникшимъ при этомъ въ самомъ Комитетѣ новымъ соображеніямъ, раздѣлился на двѣ части: а) касательно военнаго вѣдомства, и б) касательно вѣдомства гражданскаго.

А. КАСАТЕЛЬНО ВОЕННОГО ВѢДОМСТВА.

Государь Великій Князь Генераль-Адмираль и Генераль-Адъютанты Князь Долгоруковъ и Чевкинъ заявили, что мѣры, предложенныя бывшимъ Военнымъ Министромъ, представляя значительное смягченіе жестокости употребляемыхъ нынѣ въ войскахъ наказаній, должны впрочемъ быть признаны лишь подготовленіемъ для перехода къ иной системѣ взысканій, болѣе разумной и способной благотворно дѣйствовать на возвышеніе въ войскахъ духа нравственности и на развитіе въ нихъ сознательнаго чувства долга. По самой важности службы нижнихъ чиновъ, необходимо совсѣмъ избавить ихъ отъ унижительнаго наказанія тѣлеснаго, а если въ настоящее время, за недостаткомъ тюремъ, не будетъ признано возможнымъ совершенно отмѣнить по военному вѣдомству розги, то по крайней мѣрѣ необходимо принять за правило, чтобы всѣ вновь вступающіе въ ряды войска пользовались освобожденіемъ отъ всякаго тѣлеснаго наказанія, пока не будутъ лишены сего права по судебному приговору. Вмѣстѣ съ тѣмъ надлежитъ озаботиться устройствомъ военныхъ тюремъ.

Независимо отъ сего, Его Императорскимъ Высочествомъ замѣчено: 1) что неудобно и несправедливо усиливать, противъ устанавливаемой высшей

мѣры, наказаніе розгами не только самостоятельное, но также и замѣняющее содержаніе въ арестантскихъ ротахъ, когда въ нихъ нѣтъ помѣщенія, или пересылка въ оныя затруднительна; и 2) что было бы полезно, въ подобныхъ случаяхъ, замѣнять арестантскія роты другимъ, но не тѣлеснымъ наказаніемъ, а именно ссылкой виновнаго въ Сибирь на водвореніе, съ тѣмъ, чтобы остающіеся ему годы обязательной службы онъ былъ употребляемъ на работы, по усмотрѣнію начальства.

Имѣя въ виду, что замѣчанія эти относятся къ мѣрамъ, предложеннымъ бывшимъ Военнымъ Министромъ, Комитетъ счелъ необходимымъ поручить членамъ своимъ: Сенатору Капгеру и Генераль-Аудитору Военнаго Министерства, представить о нихъ нынѣшнему Военному Министру. Вслѣдствіе сего Генераль-Адъютантъ Милютинъ отозвался, что предлагаемыя измѣненія онъ, и съ своей стороны, признаетъ весьма полезными, что замѣчанія Его Императорскаго Высочества должны быть приняты въ соображеніе при окончательной редакціи статей проекта Воинскаго Устава о Наказаніяхъ, и что раздѣленіе нижнихъ чиновъ на два разряда: изъятыхъ и неизъятыхъ отъ тѣлесныхъ наказаній, а равно устройство военныхъ тюремъ, составляютъ нынѣ предметъ живѣйшей заботливости Военнаго Министерства, которое предположенія свои по этимъ вопросамъ представить, въ свое время, установленнымъ порядкомъ, на благоусмотрѣніе Его Императорскаго Величества.

При столь положительныхъ отзывахъ обоихъ главныхъ начальниковъ военныхъ вѣдомствъ, Комитетъ уже не входилъ въ дальнѣйшее обсужденіе относящихся до сихъ вѣдомствъ вопросовъ.